

«Санта-Барбара» отдыхает

Э то был мужчина лет сорока пяти, назовем его Юрием, высокий, статный, с правильными, привлекательными чертами лица и ежиком густых волос. Все представительницы слабой половины, участвующие в расстановках, с интересом и затаенной бабьей надеждой о женском счастье устремили на него взоры. Но когда он начинал говорить, а говорил он тягуче, долго, маловыразительно, нудно, словно его голос прорывался через дикие непроходимые джунгли или густые колючие тернии, интерес к нему падал. «Добрые» девушки прозвали его Юра-тормоз.

Чтобы понять ход его мыслей или суть заданного вопроса, мне приходилось напрягаться до головной боли. И поначалу это меня сильно выбивало из равновесия. Особенно когда Юрий подходил с вопросом после расстановок, а это уже время позднее — после одиннадцати вечера.

Гнев на милость сменился в одночасье, когда мужчина пришел на личную консультацию. Мне хватило терпения

выслушать его рассказ о трудном детстве, травмах и трагических переплетениях в его семейно-родовой системе.

Юра с детства чувствовал себя «каким-то не таким». Ему все давалось нелегко, информация доходила медленно, не в полном объеме, словно пробиралась сквозь толщу песка или сугробы снега. Невероятным усилием воли ему приходилось из этих осколков и крупиц складывать свою мозаику представлений о мире. Он, несмотря на это, окончил школу, волею случая и своих усилий поступил в строительный институт. Несколько раз жизнь укладывала его в постель в состоянии полной апатии, обездвиженности, когда невозможно пошевелить ни рукой, ни ногой, болит все, и врачи не могут определить причину, поставить диагноз, а значит, не в состоянии и назначить лечение.

В детстве и в студенческие годы такие болезненные периоды длились недолго. А пару лет назад жена в течение года ухаживала за ним, пыталась поставить на ноги и вернуть к жизни. Вернула, но отношения их сошли на нет.

Их у матери было двое. Он и сестра старше на год. Мать он очень любил и сильно скучал по ней. Убежал как-то из детского сада к маме. Получил нагоняй и очередную порцию страха. Родители выбрали тактику воспитания детей на устрашении и чувстве вины. «Если вы будете себя плохо вести, мы умрем и вас заберут в детдом», — эта фраза была краеугольным камнем манипуляций в воспитательном процессе. Их козырем и средством, удерживающим детей в рамках.

— Для нас с сестрой это было самым ужасным. Я очень боялся остаться без родителей, страх потерять

мать преследовал меня всю жизнь. Я старался быть хорошим, не огорчать ее. Сестра тоже. Но мама всегда оставалась строгой, отстраненной, заботливой только на бытовом уровне — обути, одеть, накормить. Мы с ней никогда ни о чем не разговаривали, только выполняли ее команды. Я не знаю, что такое материнское тепло и ласка, хоть жаждал этого всю жизнь. Я не знаю, как строить отношения с женщинами, кроме как выполнять их указания. Не приказала — я в растерянности.

Может, и сестра из-за этого сломалась. Хорошая девочка, пионервожатая, активистка. В 14 лет их со школой отправляли на сельхозработы. Вернулась другим человеком, с приступами психического характера. Она — инвалид. Замуж не вышла, жизнь не устроила. Что там произошло, она никогда не рассказывала. Да ее никто и не спрашивал. Официальное объяснение медиками причины ее психического расстройства — сбой гормонального баланса.

— Юрий, — прервала я доверительный рассказ клиента, — а в вашей семье кто-нибудь еще болел шизофренией или другими психическими заболеваниями?

Мужчина задумался. Не надеясь на свою память, которая после последнего приступа болезни часто подводила его, идя ко мне на прием, но написал для себя памятку-шпаргалку листа на три, исписанных мелким почерком. Ответа на мой вопрос там не было, но немного погодя он заговорил:

— У сестры отца, моей тети Светы, старшая дочь тоже до 12 лет росла совершенно здоровым и жизнерадостным ребенком. В 12 лет, идя со школы, она чего-то сильно испугалась, и с ней случился эпилептический припадок. Ей

сейчас около пятидесяти, приступы эпилепсии преследуют ее всю жизнь, одинока, живет с матерью.

— А у вас в роду были убийства или, возможно, кто-то служил в карающих органах, таких как НКВД?

— Эта моя тетя Света много лет работала в КГБ. Завербовали ее еще девчонкой, дослужилась до секретаря. Вела протоколы допросов, присутствовала при пытках, избиениях, допросах с пристрастием и откровенными издевательствами над людьми, когда в головы вбивали карандаши, унижали самыми изощренными способами. По ночам ей снились кошмары. Личную жизнь устроить не смогла. Дочку родила вне брака, что было в те годы большим позором. Замуж впоследствии вышла за горбуначасовщика. Родился сын, но тоже с какой-то аномалией — не мог держать головку. Ему сделали пункцию спинного мозга. Голова стала держаться, но начала сохнуть правая рука. У него была странная идея умереть молодым. Он начал пить, пил по-черному и свое обещание исполнил в тридцать лет. Умер...

Несмотря на то что работа тетки превратила ее жизнь в кошмар, уволиться оттуда ей не давали. Она была членом партии и исполнительным сотрудником. Уже в годы хрущевской оттепели ей посоветовали выйти из членства в партии, а беспартийных в органах не держали.

Юрий хотел продолжить свое повествование, но я предложила ему на время прерваться. Мне было не по себе. Мой впечатлительный ум перенес меня в камеру пыток. Мне не хватало воздуха. Болела вся грудная клетка, словно внутри что-то сломалось. Я настежь открыла окно, выпила воды и только после этого смогла вернуться к клиенту.

— А насчет убийств, — с места в карьер начал Юрий, — мать моего отца подговорила его братьев убить его. Один из братьев стрелял в отца. Но не убил, а прострелил только руку.

— Боже мой, — не сдержалась я, — а за что? Зачем матери убивать своего сына, а братьям — брата?

— Отец был единственным из них, кто хорошо стоял на ногах. Работал прорабом на строительстве плотины. Построил большой дом на всю семью. В одной половине жил сам со своей семьей, другая была предназначена для матери и братьев. Но им этого оказалось мало, им нужен был весь дом.

«„Санта-Барбара“ отдыхает», — растерянно подумала я. Верить в такое мой ум отказывался. Казалось, такое бывает только в кино. Поэтому хотелось поскорее сессию завершить и стереть из памяти все услышанное. Но передо мною сидел человек с надеждой на Надежду. Сцепив зубы, каждый раз заново, он брал себя в руки и в одиночку боролся со стальными путами семейно-родовых переплетений. Он выбился из сил, он пришел за помощью.

Мне сейчас, как обычной женщине, хотелось остаться одной, забиться в угол дивана, обхватить голову руками... и плакать. Я мгновенно представила плачущего терапевта на груди у обалдевшего от такой «помощи» клиента, и меня отпустило. Природное чувство юмора часто спасает меня от шока и гримас драматичности этой жизни. Я успокоилась, и моя голова превратилась в шахматную доску, на которой начали появляться разнообразные фигуры идей, чем и как я могу помочь Юрию. Мы назначили день расстановки и попрощались.

Запрос к расстановке формировался клиентом очень скрупулезно. В детстве он заикался, и сейчас от сильного волнения и напряжения речь его была очень затрудни-

тельной и несвязной. Но из всего потока информации, которая с начала нашего знакомства обрушилась на меня непосильной ношей, надо было выкристаллизовать что-то главное и важное, что может стать для мужчины ступенькой, став на которую, он сможет почувствовать почву под ногами. Сейчас Юра на самом деле напоминал мне человека, летящего в пропасть, изо всех сил размахивающего руками и ногами, как крыльями. Но ухватиться ему было не за что.

Расстановка

Я решила расставить основные части его личности, которые, по словам Юрия, часто спорили между собой, отвлекая от сна, работы, жизни. Хотелось бы узнать о причинах внутренних конфликтов как результате сбоя во всех аспектах жизни человека с целью их дальнейшего примирения и обретения целостности клиентом. Юрий согласился.

Мы выбрали заместителей на аспекты его личности. Первый аспект — та слабая часть, которая не чувствует опоры, безответственная, слабая, беспомощная, по-детски растерянная и мечтательная. Второй аспект — часть, отвечающая за жизнестойкость и силу воли, которая подталкивает его к действию, — например, принимать решения на работе, что-то делать, хоть и сцепив зубы, искать помощи, в том числе и на расстановках. Третий аспект — субличность, упрямая, жесткая, обозленная, ищущая причины не в себе, а в окружающих его людях. Четвертый — лю-

бьящая, нежная, жаждущая любви. Пятый аспект — тотальное мучительное чувство вины перед всеми: мамой, женой, дочерью. Поставили мы и чистую субличность Юрия, никак ее не обозначив, в надежде, что в расстановочном поле она проявит себя сама. Мы ввели также заместителя Юрия.

После некоторого колючего и напряженного молчания фигуры заместителей пришли в движение. Все происходило без слов, за исключением ответов на пару вопросов. В течение минут двадцати пяти заместители находились в непрерывном поиске, их передвижения были похожи на танец кого-то дикого племени. Глядя на внешне уравновешенного Юрия, я не верила, что внутри него бушуют такие страсти. Не хочется утомлять читателя подробным описанием происходящего. Но смогу ли я сделать это более сдержанно?

Вначале завязалась борьба за власть над хозяином, то есть Юрием. Активней и агрессивней всех вела себя шестая, необозначенная, фигура. В ней явно превалировала энергия разрушения, убийства. За нею следовала фигура вины и самоуничтожения — пятая. Они в тандеме с третьей частью (обвинением других) оттесняли от заместителя клиента его жизнестойкость, подавляя вторую фигуру (силу воли) и четвертую (любовь). Захваченные этим противостоянием, они отвлекались от хозяина, и в конце заместитель Юрия стоял в объятиях самодовольной фигуры слабости, безволия и бессилия (первой), которая своим захватом руками и ногой обездвигила его, почти придушила.

Все это выглядело, как рентген внутренних составляющих клиента: четко, предельно ясно. Но в таких случаях, наверное, врачи диагноз больному не озвучивают. В случае расстановки «больной» сам становится свидетелем причин того, что происходит с ним. И для человека с высокой степенью осознанности такая «флюорограмма» может стать толчком для пробуждения, импульсом для исцеления и трансформации.

Но, глядя на растерянное лицо Юрия, я понимаю, что это не тот случай. Оставить все как есть — значит добить его. Но что я могу сделать? Я еще раз внимательно смотрю на создавшуюся конфигурацию. Идей ноль. Я вхожу в поле расстановки и начинаю осознавать, что энергий разрушения, убийства (6) и вины (5) слишком много для одного человека. Возможно, они как перенятые чувства принадлежат кому-то другому в роду. Но кому?

У Юрия спрашивать нет смысла — он слишком подавлен увиденным. Я задаю себе вопрос: «Это по линии отца или матери?»

«Отца» — появляется слово внутри. Ничего не говоря, ввожу в расстановку заместителя отца и его матери (бабушки Юрия). Жду. Происходит что-то в поле, в людях — словно землетрясение на уровне атомов. Я не могу этого объяснить логикой, я это ощущаю своим нутром на уровне солнечного сплетения. Потом щелчок — и фигуры в расстановке перегруппировались, словно кто-то незримый перетасовал колоду карт.

Пятая фигура (вина) встала за фигурой матери отца, шестая (разрушение) одновременно испуганно

и агрессивно взглянула на заместителя отца и отошла ближе к «бабушке». На мой вопрос: «Ты принадлежишь этой женщине?» — шестая фигура отрицательно покачала головой и произнесла:

— Я принадлежу другому, мне его здесь не хватает.

Я поставила этого другого, и обе фигуры были удовлетворены.

— Ты знаешь, кто ты? — спросила я.

— Я — ее сын, — ответил вновь поставленный заместитель. Третья фигура (обозленная, жесткая) тоже подошла к ним.

— Я отсюда, но принадлежу не им.

И когда я поставила «того, кому этот аспект принадлежит», им оказался еще один сын бабушки.

«Отец», осторожно обходя эту группу, соединился со второй субличностью (жизнестойкость, сила воли и энергия действия). Первая фигура (слабость и безволие) отпала от заместителя Юрия и с любовью и тоской смотрела на заместителя отца. У того на глазах появились слезы, и он подошел к фигуре и обнял ее. В этот же момент заместитель бабушки вскрикнула с досадой, уперев руки в бока, демонстрируя свое предельное возмущение и немного базарный характер. Два ее сына кинулись к ней и встали, как стражники, за спиной матери. Но, когда фигура слабости, отстранив отца, подошла к женщине, она опустила руки, виновато склонила голову и вдруг по-бабьи горько завывала.

Это была история о перенятых чувствах. Юрий перенял их от нескольких представителей рода по линии отца, и разность потенциалов этих переживаний

создавала хаос в его голове, отключала возможность мыслить, скручивала его тело и блокировала способность говорить и действовать.

Напряжение было нестерпимым. Я вошла в центр круга, с закрытыми глазами сканируя поле. Все стало ясно как белый день. Я пригласила Юрия войти в центр расстановки, попросила отдать дань памяти всем предкам по отцовской линии. Поклонившись всем стоявшим в поле расстановки, Юрий произнес:

— Я вижу вас. Вы — мои предки, я — ваш потомок. Я уважаю вашу жизнь, вашу смерть и вашу судьбу. Все, что произошло между вами, касается только вас, и я это вам и оставляю. Я больше этому не подчиняюсь.

Потом он подходил к каждому и произносил, например:

— Эта разрушительная сила принадлежит тебе, дядя, и я ее у тебя и оставляю. Я больше ей не подчиняюсь.

— Эта мучительная вина принадлежит тебе, бабушка, я отдаю тебе ее обратно. Я больше не подчиняюсь чужой вине.

— Твою озлобленность и жесткость я оставляю у тебя, дядя, с уважением. Я больше не подчиняюсь чувствам, принадлежащим другим.

Подведя его к фигуре слабости, я сказала Юрию, что это фигура его деда, отца его папы. У него есть какая-то необычная история, которую нам знать не дано, но отдать дань уважения можем. Юра неожиданно резко вздрогнул, выпрямился, как стрела, и неожиданно по-детски замялся:

— Меня называли в его честь. Он пропал без вести еще в Первую мировую войну. Бабка считала, что он просто сбежал к другой, предал ее, и вымещала свою обиду и злость на старшем сыне, моем отце. Говорили, что он как две капли воды похож на деда. Может, она поэтому отца и убить хотела, но вижу теперь, как она измучила себя виной.

После того как мы сделали ритуал разыдентификации по именам и дед благословил внука на здоровье и жизнь, к Юрию подошла фигура (4) любви. Той любви, которую он одновременно искал всю свою жизнь и не позволял ей проявляться. И тут лицо Юрия на глазах стало переформировываться, словно в человеке сместилась точка сборки. Он некоторое время смотрел внутрь себя, потом поднял голову и сказал:

— Я словно наполнился, стал целым, и хотя внутри еще все дрожит, мне хорошо.

И впервые за все время нашего знакомства искренне заулыбался.

Когда через два месяца Юрий пришел на вторую расстановку, я и многие присутствовавшие при работе группы постоянные помощники были удивлены разительным переменам в мужчине, заметили и порадовались тому, что он стал более собранным, спокойным, говорил без дрожи в голосе и без шпаргалки. Нет, он не был исцелен до конца, но мы видели человека устойчивого, уравновешенного, с достоинством. Забегая вперед, скажу, что Юрий в течение следующих шести месяцев сделал еще три расстановки на отношения с женой, поиск утра-

ченных ресурсов и на поддержку рода. Он сам и его поведение в корне изменились. Он начал спокойно, уверенно и громогласно выражать свои мысли. Беда только в том, что выражал он сепаратистские мысли, пророссийские настроения и идеи. Возможно, и здесь в Юрии проявлялся голос его предков, перенятое у них чувство принадлежности и преданности своей Родине. Слушая его агрессивные нападки на других участников группы, запелляционные суждения и презрительное отношение к Украине и украинцам, я впервые в жизни пожалела, что помогла человеку.